

**КУЛЬТУРНОЕ
И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ**

УДК 930.85
ББК 63.3(0)61
К 90

Редакционная коллегия:

к.и.н. *Аксенова Е. П.*, д.и.н. *Вандалковская М. Г.*, д.и.н. *Ганин А. В.*,
д.и.н. *Сератионова Е. П.* (отв. ред.), д.и.н. *Сидорова Л. А.*

Именной указатель подготовила к.и.н. *Лобачева Ю. В.*

Рецензенты:

к.и.н. *Силкин А. А.*, д.и.н. *Соловьев К. А.*

Сборник подготовлен в рамках проекта
«Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности
славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе:
от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных
исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

**К90 Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике:
документы и материалы.** — М.; СПб. : Нестор-История, 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-4469-1004-5

В книге публикуются воспоминания, письма, научные статьи и доклады, публицистические работы русских эмигрантов, проживавших в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами: И. К. Белорусс-Белошевской (Чиркиной), С. А. Щепихина, В. В. Добрынина, Е. Е. Лазарева, А. В. Флоровского, А. Н. Фатеева, А. А. Кизеветтера, В. А. Мякотина, Б. А. Евреинова, С. Г. Пушкарева, Л. С. Лада-Якушевича и С. Моравского. В них рассматриваются события Гражданской войны, причины поражения Белого движения, проблемы эмиграции, адаптация русских в новых условиях, отношения России и Европы, России и славянского мира. Научные статьи и доклады представляют собой образцы творческой работы русских историков за рубежом и являются их вкладом в отечественную и мировую культуру.

Книга адресована историкам и самому широкому кругу любителей истории.

На обложке:

Вид Збраславского замка, где с 1935 г. располагался
Русский культурно-исторический музей в Праге
(Фотография из каталога выставки Государственной Третьяковской галереи
«Сохранить для России. К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге».
М., 2015. С. 19)

ISBN 978-5-4469-1004-5

9 785446 910045

© Коллектив авторов, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Воспоминания, письма

«Все, что я помню». Воспоминания Ираиды Белорусс-Белошевской о бегстве из России. (Публикация <i>Ю. Янчарковой, С. Гагена, Д. Гашковой</i>)	15
Из воспоминаний С. А. Щепихина «Тыл в Омске». (Публикация <i>А. В. Ганина</i>)	31
«То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. (Публикация <i>А. В. Ганина</i>) ...	54
Егор Егорович Лазарев. Из писем М. Ю. Морозову о Гражданской войне в Сибири. (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	76
Письма А. А. Кизеветтера Владимиру Александровичу Розенбергу и Венедикту Александровичу Мякотину. (Публикация <i>М. Г. Вандалковской</i>)	100

Научные работы

Александр Александрович Кизеветтер о науке и культуре России. (Публикация <i>М. Г. Вандалковской</i>)	115
Неопубликованная рукопись А. В. Флоровского «Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран». (Публикация <i>Е. П. Аксеновой</i>)	144
Аркадий Николаевич Фатеев о расах, нациях и государстве. (Публикация <i>Л. А. Сидоровой</i>)	167
Переяславский договор 1654 г. в оценке Венедикта Александровича Мякотина. (Публикация <i>Ю. Н. Емельянова</i>)	183

Публицистика

В. А. Мякотин об отношении к А. В. Колчаку (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	207
Борис Алексеевич Евреинов о русской эмиграции. (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	209
С. Г. Пушкарев о России и славянстве. (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	252
Леонид Сергеевич Лада-Якушевич и русские архитекторы в Чехословакии (Публикация <i>В. И. Косика</i>)	266
Сергей Моравский о русских студентах в Праге. (Публикация <i>В. И. Косика</i>)	274
Сведения об авторах-составителях	278
Именной указатель	279

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА

«ВСЕ, ЧТО Я ПОМНЮ»

ВОСПОМИНАНИЯ ИРАИДЫ БЕЛОШЕВСКОЙ О БЕГСТВЕ ИЗ РОССИИ

Авторы настоящей публикации являются самыми близкими коллегами безвременно ушедшей из жизни Любови Николаевны Белошевой¹, научной сотрудницы Славянского института и руководителя рабочей группы по истории русской эмиграции в Чехословакии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Смерть Любы, как мы все ее называли, была для нас неожиданностью и шоком. После того, как мы поняли, что она уже действительно больше никогда не придет на работу, не возьмет в руки свою малахитовую чашечку и с золотым ободочком и не заварит в ней свой любимый черный чай, мы начали активно общаться с Любиным мужем — Митей — Дмитрием Белорусс-Белошевским². Мы говорили с ним по телефону,

---

¹ Любовь Николаевна Белорусс-Белошевская (27.08.1946, Москва — 11.11.2013, Прага), урожд. Сусоева, псевд. Белошевская, научный сотрудник Славянского института АН ЧР. Училась в московской средней школе, поступила в МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1970 по 1975 г. училась в Карловом университете в Праге, окончив факультет чешского языка для иностранцев и обществоведения. После окончания учебы, вышла замуж за сокурсника Д. Белорусс-Белошевского и их семья покинула Чехословакию. В 1976–1982 гг. Любовь Николаевна жила в Москве и работала редактором отдела вещания на ЧССР Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию. В 1982 г. они приняли решение вернуться в Чехословакию. По возвращении в Прагу Л. Н. Белошевская устроилась сначала в театральное и литературное агентство «Диалия», а потом в Институт чешского языка АН Чехословакии, где принимала участие в составлении большого чешско-русского словаря. После обновления в 1993 г. Славянского института, Л. Н. Белошевская возглавила группу по изучению истории русской эмиграции в Чехословакии, став одним из инициаторов исследований в данной области. В этот период она активно сотрудничала со З. Сладеком, подготовив вместе с ним ряд научных работ. Л. Н. Белошевская — автор многих научных трудов.

² Дмитрий Белорусс-Белошевский (10.05.1945, Брно — 18.12.2014, Прага), в 1963 г. окончил среднюю школу в Опаве, в 1976 — Карлов университет по специальности социология — русский язык. Работал рабочим в разных организациях Опавы, шахтером в Остраве. После 1967 г. вступил в Коммунистическую партию Чехословакии, в 1970 г. был по причине «невыполнения основных обязанностей» из партии исключен. В период 1977–1981 гг. жил в Москве, был переводчиком в издательстве «Прогресс», а также диктором и переводчиком Московского радио, преподавал чешский язык в Торговой академии в Москве. Автор переводов книг и туристических путеводителей на русский язык. По возвращении в ЧССР работал рабочим, кочегаром в Праге. В 1984 г. вновь подал заявление о вступлении в члены

иногда посещали его дома, вспоминали Любу и часто обсуждали политическую ситуацию в мире. У него мы совместно рассматривали коллекцию экслибрисов почти в 450 единиц, которую Люба собирала всю жизнь. Мы думали, как с ней поступить так, чтобы память о Любе жила, и решили передать ее в Галерею изобразительного искусства в городе Наход, где хранится большая коллекция русского искусства. Митя был просто счастлив, эти минуты нашего общения приносили ему облегчение. Он, оставшись один, очень страдал, хотя никогда об этом не говорил — он не любил жаловаться. Но вот в декабре 2014 г. мы не смогли ему дозвониться. Почувствовав неладное, мы с едва теплящейся надеждой пришли в их высокий панельный дом, но — сердце упало. Дверь пестрела от наклеек полиции. Это был второй удар. Митя скорпостижно скончался от инфаркта 18 декабря, пережив Любу всего на год. Не стало семьи — уже больше некому было звонить. Осталась только боль и вопросы, много вопросов, ответы на которые мы уже будем мучительно искать в архивах и старых изданиях. Митя подарил нам много книг: часть лично, часть передал в институт. Славянскому институту он завещал и тетрадь воспоминаний своей мамы — Ираиды Белорусс-Белошевской, урожденной Чиркиной. Подготавливая данный сборник, посвященной памяти Любови Николаевны Белошевской, мы хотели бы предложить дорогому читателю фрагменты из этой тетради.

Сначала было бы необходимо представить автора публикуемых отрывков. Ираида Константиновна Белорусс-Белошевская (26.02.1909, Харьков — 28.03.1992, Опава) родилась в семье Константина Александровича Чиркина и Ольги Андреевны, урожденной Любарской. Отец Ираиды был инженером и, как мы увидим в тексте, служил на железной дороге. Ему удалось присоединиться к чехословацким легионерам, прибыть с ними во Владивосток, а оттуда на корабле выехать в Европу. С ноября 1920 г. Ираида Чиркина с родителями, старшей сестрой и бабушкой³ жила в Чехословакии, где К. А. Чиркин устроился чиновником в дирекцию Чехословацких железных дорог в городе Брно. Согласно архивным данным, она окончила гимназию в городе Мукачево и поступила в музыкальное училище города Брно. В 1935 г. Ираида Константиновна вышла замуж за русского эмигранта Ивана Владимировича Белорусс-Белошевского (21.03.1902, Киев, — 27.06.1979, Опава)⁴. Ее профессиональный путь был связан с музыкой, она преподавала, с 1946 г. она была арфисткой в оркестре Театра им. З. Неядлы в Опаве,

---

Коммунистической партии Чехословакии, но принят не был. После изменения режима, с 1990 г. занимал посты сотрудника Славянской библиотеки, редактора издательства «Орбис», шеф-редактора газеты «Народная демократия», редактора «Экономической газеты».

³ Надежда Любарская, урожденная Петрова, умерла в Опаве в 1929 году.

⁴ Иван Белорусс-Белошевский был сыном государственного чиновника Владимира Белорусс-Белошевского, проживавшего в Киеве, и его жены Веры, урожденной Казаковой. Участвовал в Белом движении на Юге России. Эвакуировался в Галлиполи. В 1924 г. приехал в Чехословакию. В 1929 г. окончил Чешское высшее техническое училище. Не имел постоянной работы. В период с 1940 по 1950 г. работал конструктором на Машиностроительном заводе им. К. Готтвальда в районе Кралово Поле в городе Брно. В 1946 г. с семьей переехал в Опаву. В 1947 г. получил чехословацкое гражданство.

в Моравско-Силезской области, в середине 1950-х была членом оркестра театра Новая сцена в Братиславе. В период 1956–1961 гг. преподавала игру на фортепиано в Детской музыкальной школе в Крнове, в 1961–1970 гг. в Детской музыкальной школе им. В. Калика в Опаве. В 1975–1976 гг. вела музыкальный курс в Культурном центре в Крвареже, недалеко от Опавы. Добавим, что она писала стихи.

Тетрадь, содержащая частично публикуемый здесь текст, озаглавлена автором: «Все, что я помню. Ираида Чиркина-Белошевская». Над названием большими буквами приводится важное для нее посвящение: «Моему сыну Димитрию Ивановичу Белошевскому и Любе, своей дорогой снохе». Из контекста воспоминаний становится ясно, что Ираида Константиновна писала их по просьбе Мити и Любы. Писала она их, вероятно, в 1992, незадолго до смерти и, предчувствуя ее, боялась, что не успеет дописать. На странице 44 читаем: «Митя, родной мой, боюсь, что не допишу, да и начала сокращать <...>». К несчастью, так и случилось, текст не закончен. Рукопись, представляющая собой тетрадь формата А4, содержит 120 пронумерованных страниц. Записи продолжаются до страницы 109, остальные страницы пустые. Добавим, что в рукопись вклеены половинки страниц.

Текст представляет собой упорядоченное, местами очень подробное повествование. Мемуары начинаются родословной, далее переходят к родителям Ираиды Константиновны, описывается ее детство, перемещения семьи по стране, знакомые и друзья. Особенно внимательно автор восстанавливает в памяти и передает путь на Восток. Более двух лет они провели в поезде, который прошел почти через всю Россию. Перед нами, таким образом, детальные воспоминания о жизни и быте беженцев первого эшелона, прицепленного к паровозу № 266. Ираида Константиновна с родительской семьей ехала в вагоне № 760.

Публикуя этот текст, мы сталкиваемся с очень интересным вариантом воспоминаний. Ираиде Константиновне было всего 8 лет, когда начался путь ее семьи в эмиграцию. Понятно, что ребенок смотрит на происходящее глазами взрослых, но в детской памяти навсегда отпечатываются знаковые вещи.

Мама покупает красивые вещи, чтобы украсить их разоренный большевиками дом, но потом эти вещи вымениваются на еду у закутанных в шали сибирских баб с их «Есть чаво продавать, аль менять хотите?». Конечно, есть. И надежду на возвращение домой, в их Россию, они меняют на хлеб и масло на заснеженных полустанках. Маленькая Ираида понимает весь трагизм ситуации, ведь воротиться домой уже не придется никогда. И голос этих разухабистых деревенских баб помнит до смерти.

Русская эмиграция творила свой собственный вариант истории революции и Гражданской войны. Выходили мемуары участников тех событий. Воспоминаниями детей также интересовались. В русской гимназии в Моравской Тржебове детям было предложено написать сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г.», всего же по разным школам было собрано более 2400 детских сочинений. Неизвестно, писала ли гимназистка Ираида подобное сочинение. В сборнике «Дети русской эмиграции» находим анонимные воспоминания 12-летней девочки, ученицы пражской гимназии, написанные в 1924 г., где упоминается «Гайдовское восстание»

во Владивостоке⁵. Вероятно, эта девочка и Ираида никогда не встречались. Анонимная маленькая мемуаристка не разделяет неприязнь Ираиды к чешским легионерам. Подобной неприязни, как и слухов о русском золоте, мы не встретим на страницах «официальных» детских сочинений о пережитом в Гражданскую войну.

Следует отметить, что ученик 3 класса гимназии в Моравской Тржебове, некто Авданович, проделал тот же путь, что и Ираида. Но воспоминания мальчика не отличаются подробностью: «Каким путем и через какой промежуток времени мы были взяты чехами, и каким путем мы выехали из города, вернее сказать, эвакуировались, точно не могу сказать. Впереди нам предстояла большая дорога, которую описывать подробно не хватит время, но хочу читателю обрисовать эту дорогу в кратких чертах: наша цель была добраться до Владивостока. Это расстояние от нижеуказанного города (Нижнеудинск — авт.) всего 6000 верст, хотя я говорю эту цифру несмело, ну, около этого. Ехали мы в теплушках (в Сибири так называются товарные вагоны). Больно в сердце становится, когда видишь, что в середине пути — чехи, а по обеим сторонам идут или, вернее сказать, отступают русские войска, почти все помороженные, больные, даже не хочется все то вспоминать, что видел я. Наконец мы въезжаем на станцию Владивосток. Владивосток, большой красивый портовый город, находится в Японском заливе. Прожив там около года, мы сели на один из транспортных пароходов, который вмещал в себя 7 ½ тысячи людей помимо команды. Пароход этот был английский и назывался “Президент Грант”⁶. Это сочинение написано 12.12.1923, на момент эвакуации юному Авдановичу было только 8 или 9 лет. Сверстница Авдановича, некая Ю. Санютнич-Курогицкая записала 12.12.1923, что «самое интересное в моей жизни это кругосветное путешествие. <...> Мы проехали: Желтое море, Восточно-Китайское море, были в Сингапуре, в Коломбо, на острове Цейлоне, проехали Индийский океан, были в Адене, проехали Красное море, видели пустыню Сахару, проехали Суэцкий канал, были в Порт-Саиде, проехали Средиземное море ...»⁷ Интересно, что маленькая Ираида в целом не переживала свое путешествие как «приключение», хотя проделала почти такой же путь.

Нельзя не сказать и о политических взглядах Ираиды. Они сформировались, само собой разумеется, уже в сознательном возрасте. Мемуары передают отрицательное отношение отца Ираиды, Константина Чиркина к царскому режиму, типичное для большей части русской интеллигенции начала XX в., а также для офицеров Белой армии. Приведем здесь тому пример: «Приехав с фронта к нам в Харьков, папа говорил маме, что положение из рук вон. И если наш Николаша не приберет к рукам Алису (т. е. Николай II свою жену Алису Гессенскую) и не послушает великого князя Николая Николаевича, то допрыгается, т. к. она у себя из своих любимых

⁵ Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С. 21, 149–150.

⁶ Там же. С. 192–193. Правильно – пароход американский.

⁷ Там же.

генералов немцев устроила главный штаб немецкой разведки и все это хорошо, если кончится конституцией. Потом я у папы спросила, что такое конституция, а он мне, рассмеявшись, ответил, это когда сенат и парламент королю на хвост наступят, только об этом не болтай» (Рукопись с. 39).

Интересно это описание «демократии» у маленькой Ираиды сравнить с воспоминаниями некоего К. Померанцева из английской школы для русских мальчиков в Эренкее: «В Полтаве, мне тогда было около 12 лет, начали складываться мои убеждения. Под влиянием моей воспитательницы m-лле С-Пле, ярой поклонницы революции и республики, я стал решительно на сторону республиканских форм правления. Я стал поклоняться свободе и вольности. Но это ничуть меня не заставило стать большевиком; напротив, я стал их горячим ненавистником, в их лице стал видеть протест против свободы»⁸.

Хотя у Ираиды и не было французской гувернантки-республиканки, она все же также, в очень негативных тонах описывает большевиков, называя их, как будет видно ниже, «красной рванью», что было типичным для всех детей русской эмиграции, видевших именно представителей этой партии в качестве единственных виновников развала России. Ведь их обожаемые родители, боровшиеся с «проклятым царизмом», «немецкими шпионами в окружении императрицы» и мечтавшие «наступить королю на хвост», были, конечно же, во всем и всегда правы. Республика и конституция — это хорошо, а большевики это очень плохо!

Обращает на себя внимание и стиль изложения, который соединяет просторечные русские выражения с добавлением немецкого слова: «чехи, придя в Самару за белой армией *пешим хождением* и *угнездившиеся* здесь довольно прочно, боялись, что большевики их окружают и чехам будет *капут*».

В заключение добавим, что для удобства современного читателя текст разделен на небольшие тематические части. Заголовки этим частям даны издателями текста.

Ю. Янчаркова, С. Гаген, Д. Гашкова

И. К. Белорусс-Белошевская

«ВСЕ, ЧТО Я ПОМНЮ»

[Константин Александрович Чиркин]

Папа⁹ был очень талантливым и деловым инженером и его первое место было в Лунинце на Привисленской железной дороге. Т.к. он блестяще закончил институт, то и карьера, кажется, была обеспечена, но ... пришел 1905 год. Хотя папа сам во всех

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Константин Александрович Чиркин (04.04.1878, Брянск, Орловская губ. — 29.06.1933, Брно), инженер, происходил родом из дворянской семьи. Учился в смоленском реальном училище. Высшее образование получил в Харьковском технологическом институте. Был женат на выпускнице института благородных девиц Ольге Андреевне, урожденной Любарской

саботажах не участвовал, но знал всех¹⁰. Начал к нам ходить жандармский полковник со скрипкой, под предлогом поиграть на скрипке, а мама будет аккомпанировать. Конечно, это был только предлог, чтобы выпытать, выспросить, кто мог быть в подозрении. Ничего не узнал и, хотя, никаких улик против папы не было, но было подозрение, что он знает и не хочет выдать. Его сместили с хорошего места и послали на Урал в деревню Катав Ивановский завод в качестве контролера материала на железнодорожной ветке Вязовая-Катав. Иными словами — маленькая ссылка.

[Самара. 1916]

Перед Рождеством 1916 г. папа, наконец-то, совсем вернулся с фронта <...> Папа получил назначение на помощника начальника материальной службы на Самаро-Златоустовской железной дороге. Дедушка (отец Андрей)¹¹, как я уже говорила, продал загородную дачу и харьковский дом с бакалейной лавкой, оставив себе только дом, где мы все время и жили, и дал папе деньги на покупку дома в Самаре. Сам дедушка все еще служил в церкви, так что не нуждался в деньгах. Папа поехал в Самару, а вернулся уже за нами собственником дома, купленного от вдовы купца Племянниковой, на что у тебя, сынок, имеется кучая и план дома. Началось наше великое переселение.

[После революции]

Самара была, главным образом, богатым купеческим городом и в первом году после революции чекисты с матросами ходили с так называемыми обысками, грабить всех зажиточных купцов. Обыски производились следующим образом: вспарывались диваны, матрасы, пуфы (т.к. обычно туда пряталось золото и серебро), обыскивались столы, шкафы — от квартиры мало что оставалось, а за сопротивление — пуля в лоб¹². Да, первый год после революции большевикам было не до

(10.07.1883, Харьков — 23.04.1960, Опава), имел с ней двух дочерей: Мелитину (16.9.1904 г.р., в замужестве Шамрай) и Ираиду. Сначала семья жила в Лунинце. К. А. Чиркин служил на Лунинско-Полесской железной дороге в качестве заместителя депо. После 1905 г. он был переведен на Урал в деревню Катав, где служил на железнодорожной ветке Вязовая — Катав в качестве контролера материала. В 1914–1915 гг. был призван в армию. Ольга Андреевна в это время проживала с детьми в Харькове, у своих родителей. После возвращения Константин Андреевич был переведен на Самаро-Златоустовскую железную дорогу, семья переехала в Самару.

¹⁰ Вероятнее всего подразумевается Всероссийская октябрьская забастовка 1905 г., парализовавшая железнодорожное сообщение по всей стране, что привело к изданию Манифеста 17 октября 1905 г.

¹¹ Имеется в виду отец Ольги Андреевны Чиркиной, протоиерей Андрей Любарский, по сведениям Ираиды Константиновны, преподавал в харьковском институте благородных девиц Закон Божий.

¹² Похожую информацию о грабежах и убийствах приводит в своих воспоминаниях дочь русских эмигрантов из Самары, художница Элеонора Мусатова (1931–2010). Она пишет: «И вот, в 1922 году, наконец-то, с какой-то оказией приходит письмо, получила его мама. В нем страшное сообщение: 9-го мая 1919 на пчельнике была зарезана семья Мусатовых. Алексей Яковлевич Мусатов в Самаре продал дом, бандиты искали деньги. Его, старшего брата Григория — Александра с женой и грудным ребенком, семью сторожа — всех порешили». См.: *Мусатова Н. Григорий Мусатов (Воспоминания о моем отце). Фрагменты. Публикация и комментарий*

работающей интеллигенции, т. к. самые богатые были купцы, да и времени у них не хватало на средний класс, ведь к Самаре вместе с весной подошли и чешские легии, пробивающиеся на восток к отпльтию домой, а они пробивались не сами, а шли за белой армией Каппеля¹³ и Юденича¹⁴.

[«Отречемся от старого мира»]

С появлением большевиков в Самаре на улицах исчезли народные песни, т. к. вся эта красная рвань только горланила «вставай, поднимайся рабочий народ» или «отречемся от старого мира». Но тут же я познакомилась с сарказмом русского народа, даже в такие тяжкие минуты на мотив «отречемся от старого мира» вдруг неизвестно кто пустил следующий текст: «Отречемся от серого мыла и не будем мы в баню ходить». Не знаю, существует ли еще серое мыло, с которым всегда ходили в баню <...>.

[Февральская революция и провинциальные дамы]

Во времена «Временного правительства» большинство знакомых дам было в восторге от Саши Керенского и собирало его фотокарточки, но чем дальше, было хуже. Вместо сахара появилась патока, прислуги у нас уже не было, так что каждый должен был заметить свою комнату. <...>

[Взятие Самары чехословаками]

Чешская армия вошла в Самару вслед за Белой и закрепилась в Самаре на несколько месяцев¹⁵. Как-то пришел папа домой со службы и сказал маме, чтобы как можно скорее собирались — придется уехать, пока Самара опять не станет белой. Дело в том, что чехи должны были отступать на восток, т. е. через Волгу пробираться к Владивостоку. В это время (осень 1918 г.) большевики получили подмогу и стали сильно давить на чехов, а они, т. е. чехи, придя в Самару за Белой армией пешим хождением и угнездившиеся здесь довольно прочно, боялись, что большевики их окружают и чехам будет капут. Пришли на поклон к папе — просить составы для

Ю. Янчарковой // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии I / Отв. ред. Л. Белошевская. Praha, 2011. С. 222. (*N. Musatova*, Grigorij Musatov (Vzpomínky na mého otce). Úryvky, publikace a komentář J. Jančárková // Vzpomínky. Deníky. Vyprávění. Ruská emigrace v Československu I. / L. Běloševská (ed.), kol. Autorů. Praha, 2011. S. 222).

¹³ Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель (15/27.04.1883, Белев Тульской губ. — 26.01.1920 близ разъезда Утай Иркутской губернии). Командир 1-й добровольческой дружины Народной армии, сформированной в Самаре после захвата города чехословацкими частями. — См.: *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Куццов И. В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 106–107.

¹⁴ Ошибка мемуариста. Генерал Н. Н. Юденич не участвовал в Белом движении на Востоке России.

¹⁵ Ошибка мемуариста. Дело было как раз наоборот, это чехословацкие части вошли в Самару, в которой началось формирование Народной армии, одним из командиров которой был В. О. Каппель.

возможности выехать из Самары. Генерал Гирса¹⁶ был одним из главарей командования чешской армией, и он предложил папе за эту услугу взять его со всей семьей в Чехию <...>. Наконец-то мы тронулись к Златоусту.

[Паровоз и Первый эшелон]

Наш паровоз ... № 266 к нашему первому эшелону прицепили в Златоусте, а не в Уфе и всю дорогу до самой Читы он был с нами так же, как и его главный машинист — Свирепа.

[Поэт Бурлюк в Златоусте]

Еще кое-что вспомнила о Златоусте¹⁷ и считаю нужным записать это. В Златоусте жил Бурлюк¹⁸, друг Блока¹⁹. Я лично его не видела, но знаю, что Златоустовские матери пугали им своих непослушных детей: «не балуй, а то Бурлюку отдам». Все, кто его видели, единогласно твердили, что он выглядел ужасающе — вокруг одного глаза, широким кругом обведена красная краска, вокруг другого — зеленая, одет он был всегда в черный бархатный полушубок-полубабья кофта, а на шее повязан ярко фиолетовый платок. Это подтвердил и один из наших конторщиков-беженцев, позвонив у дверей Бурлюка, принеся ему приглашение на спектакль, организованный нашими составами — любительским кружком в Златоусте. Книжка его стихов у тебя, сынок, должна быть, т. к. я тебе ее дала. Одно из первых его стихотворений помню, только третья строфа из головы вылетела, никак ее не могу вспомнить. Да я его и не учила, прочитала пару раз, чтобы понять смысл, но смысла я в нем так и не нашла²⁰. Вот все, что я из этого запомнила.

Стихи Бурлюка

Русь — один сплошной клоповник
Звезды — черви, пьяные туманом.
Усмиряю боль — шелестом, обманом.
Небо смрадный труп
Для внимательных миопов

¹⁶ См. сноску 30.

¹⁷ На современном филокартическом чешском рынке обращается очень большое количество привезенных legionерами открыток с изображениями нескольких видов Златоуста (чаще всего скалы с уходящей вдаль линией железной дороги).

¹⁸ Давид Давидович Бурлюк (1882–1967), поэт и художник, один из основоположников футуризма в России. В 1918 г. Бурлюк чудом избежал гибели во время погромов и расстрелов анархистов в Москве и уехал в Уфу. В 1918–1920 гг. он гастролировал вместе с В. Каменским и В. Маяковским по Уралу, Сибири, Дальнему Востоку. В 1920 г. он эмигрировал в Японию, где прожил два года, изучая культуру Востока и занимаясь живописью. Здесь им написано около 300 картин на японские мотивы, денег от продажи которых хватило на переезд в Америку. В 1922 г. он поселился в США.

¹⁹ Александр Александрович Блок (1880–1921) — поэт, писатель, переводчик, публицист, классик русской литературы.

²⁰ Вероятно, Ираида Константиновна отождествляла новые веяния в искусстве с новым политическим режимом большевиков.

Лижущих отвратный круп
 С жадною хваткой эфиопов
 Отворяйте ж часы преддверья
 Зовы рук
 Паук²¹.

[Самодеятельный театр в Златоусте]

Надо сказать, что живя долго в Златоусте, папа стал замечать появление в беженцах признаков какой-то хандры, безнадежности и решил, что это первый признак разложения от ничегонеделания. Нашел старого любителя дирижера между нашими составами, хороших певиц и певцов, артистов-любителей, присоединились к нашим и все члены Златоустовского любительского кружка и [?] 2 комедии²², вечер хора народных песен и еще вечеринка. Спектакли были «Иванов Павел» и где мама аккомпанировала все музыкальные части на пианино, поставленном в углу перед сценой. Павла играл Златоустовский любитель, купеческий сын Затрягаев. Играл он очень хорошо. Вторая комедия, не знаю автора «Ни минуты покоя». Вернее, началось все с вечеринки, на которой должно было произойти знакомство населения наших составов с жителями Златоуста. Кто-то там декламировал, кто-то рассказывал анекдоты, а потом объявили, что дальше будут общие танцы. Стулья расставились вокруг стен, а вот был ли оркестр или кто-то барабанил все модные танцы на пианино, этого я уже не помню. Знаю только, что мама сначала сидела возле меня. К Миле сразу подошел какой-то гимназист, а т.к. девочек было больше, чем мальчиков, то девочки танцевали с девочками. <...> Концерт был очень хороший и им был доволен не только весь Златоуст, но и все 3 наши состава, а папа достиг своей цели — все люди были заняты и хандра исчезла.

[Бегство казаков от красных. Переживания по поводу паровоза]

Только один раз уже в Сибири, в тайге у нас его [паровоз № 266] одолжили до следующей остановки казаки. Целый эшелон казачьих войск удирал на восток и уж не знаю какими судьбами остался без паровоза. Помню, что папа долго говорил

²¹ Ираида Константиновна ошибочно объединила два стихотворения Д. Бурлюка «Призыв» и «Мертвое небо». «Призыв»: «Русь — один сплошной клоповник! // Всюду ползет обоз, // Носит в золоте сановник, // Мужичок, что весь промозг. // Осень... тоном студной... слякоть... // «Номера» — не заходи: // Обкусают звери мякоть — // Ночь «центральных» — проведи... // Всюду липкою тряпицей // У грудного заткнут рот!.. // Есть? — вопли десятирицей — // Тошноты моря и рвот. // Русь грязевое болото // Тянет гнойный, пьяный смрад... // Слабы вывезть нечистоты // Поселенье, пристань, град. // Грязь зовут — враги — отчизной!.. // Разве в этом «русский быт»?!. // Поскорее правим тризну — Праздникам параш, корыт!.. // Моем мощной, бодрой шваброй // — Милый родины удел // Все, кто духом юно-храбрым // Торопясь, не оскудел! «Мертвое небо»: «Небо — труп»!! не больше! // Звезды — черви — пьяные туманом // Усмиряю боль шелестом-обманом. // Небо — смрад-ный труп! // Для (внимательных) миопов, // Лижущих отвратный круп // Жадною (ухваткой) эфиопов. // Звезды — черви (гнойная живая) сыпь!! // Я охвачен вязью вервий // Крика выпь. // Люди-звери! // Правда звук! // Затворяйте же часы предверий // Зовы рук // Паук.

²² Вероятно, пропуск в тексте.

с их начальством и, в конце концов, послал Свирепу с пятью нашими охранниками. До сих пор помню это тягостное ожидание — вернется ли наш 266 или заберут его силой. В вагонах было тихо, все превратилось в уши — слушали, раздастся ли баритон нашего... Мне казалось, что прошел весь день (это было после обеда), и стало уже совсем темно, а мы все слушали. И вдруг вдали раздался свисток. Миля и я первые услышали его. Взрослые говорили, что это еще может быть другой, но мы обе твердили: «Наш 266 вернулся». Вернулся на самом деле. Но это я уже перескочила на конец 1919 года, а теперь вернусь к Полетаеву²³.

[Челябинск. Граница Европы и Азии]

Там [в Полетаеве] мы были недолго и поехали в Челябинск, а из Челябинска дальше. Помню, как папа показывал нам столб, разделявший границу Европы от Азии, но было ли это до Челябинска или после — не помню (это можешь посмотреть в книге «Великий Сибирский путь»). Так мы с маленькими остановками доехали до Новониколаевска на Оби²⁴. Здесь мы закисли надолго. Конец лета, осень и часть зимы мы жили на запасных путях, все три состава. <...>

[Встреча с ранеными и больными белогвардейцами Каппеля]

Очевидно, большевикам приходилось отступать, т. к. мы вдруг поехали обратно. Стали по дороге закупать все, чтобы вернувшись в Самару не помереть с голоду, но доехав до Златоуста, повернулись опять на восток и уже без остановок даже в Новониколаевске. Да, чуть было не забыла сказать, что по дороге от Новониколаевска до Златоуста мы встречали поезда, вернее, это были не поезда, а составы из платформ, на которых вповалку лежали замерзшие трупы — тиф и мороз свирепствовал у Каппеля²⁵, и безнадежных отсылали лишь бы они не попались живыми в руки красных. До сих пор я вижу эти длинные составы похоронных платформ. А сколько эшелонов с ранеными с Урала ехало на восток и все они на остановках, через окна просили, нет ли книжек почитать. Папа очень много раздал книг этим раненым, а на следующей остановке опять приносил новые книги. Вот это и было мое образование за 2 года. <...> Во второй раз мы уже в Новониколаевске не задерживались, просто-яли всего лишь пару дней, чтобы запастись в дорогу едой и всем необходимым и поехали дальше на восток. <...> Не имея под рукой ни книги, ни карты, я совершенно перепутала станции и их местонахождение, а тут еще перепутала, что было в первый

²³ Населенный пункт.

²⁴ С 1926 года Новосибирск.

²⁵ Речь идет об участниках т. н. «Ледяного похода»: движение армии Каппеля к Иркутску на помощь адм. Колчаку в декабре — января 1919/20 гг. Цитированный выше 9-летний гимназист Адамович видел участников «Ледяного похода», когда ему было примерно четыре-пять лет. Воспоминания ребенка не сохранили подробности, но только «боль в сердце»: «Больно в сердце становится, когда видишь, что в середине пути — чехи, а по обеим сторонам идут или, вернее сказать, отступают русские войска, почти все помороженные, больные, даже не хочется все то вспоминать, что видел я». Здесь также скрытое осуждение: «чехи» едут в теплушках, а больные и обмороженные русские воины идут пешком вдоль путей. — См.: Дети русской эмиграции. С. 192–193.

раз, а что во второй раз нашего этапа Златоуст — Новониколаевск — Новониколаевск — Златоуст и во второй раз Златоуст — Новониколаевск. Так как записей никаких у меня не было, то единственной нитью для меня были времена года, а т. к. негде было посмотреть, как идет по порядку станции, то у меня и вышла путаница.

[Путь первого эшелона беженцев]

Теперь придется дать сжатое описание нашего пути со станциями и временами года. Так, выехали мы из Самары в августе 1918 года. В Уфе пробыли 1–1,5 месяца, т. е. в Златоуст приехали, очевидно, в октябре 1918 года и простояли там до (приблизительно) Рождества или Нового года. Из Златоуста, переехав границу между Европой и Азией (каменный столб, с одной стороны вырыта²⁶ «Европа», с другой — «Азия») перед городом Миассом, через Челябинск, переехав границу Сибири перед городом Курганом в Петропавловск, где уже начиналась одноколейка, т. е. перед выездом из Петропавловска нужно было ждать встречного поезда и только тогда, имея свободный путь перед собой, можно было ехать дальше. В первый раз (это было начало 1919 года) мы доехали до Новониколаевска и остались здесь до начала весны. Опять что-то напутала. <...> Ох, сынок, и работushку же ты мне дал. За 72 года многое стерлось. <...>

[Повседневная жизнь беженцев в поездах]

Теперь, приведя в порядок летоисчисление и последовательность станций, можем вернуться к повседневной жизни в наших трех составах. Как я уже писала, за Шурой Воронцовой усиленно ухаживал конторщик Пантелеев и стало ясно, что они поженятся. Я получила заказ на петли и крючки для свадебного платья. Сначала их было 50, а в конечном итоге их было 90, т. е. я целыми днями сидела и делала крючки и петли. Миля надо мной смеялась, говоря, что я всякой ерундой занимаюсь, а ей не с кем играть в карты. Она меня научила играть в 66 и 21, и когда ей было скучно лежать и вышивать, то звала меня играть в карты. От папы ей за насмешки надо мной влетело. Не могу вспомнить, где именно еще перед Читой (а может быть еще в Иркутске или Красноярске) Шура вышла замуж за Пантелеева и оба они, обвенчавшись, остались в Сибири. <...>

[Встреча с Колчаком в Омске]

Видишь, опять забыла сказать, что приехав в Омск, мама сразу же на извозчике отправилась в город за покупками и видела ехавших в санях Колчака²⁷ и с его князем²⁸.

²⁶ Вероятно, перепутано слово: по смыслу должно быть «выбита надпись».

²⁷ Колчак Александр Васильевич (04/16.11.1874, Обуховский сталелитейный завод, близ Санкт-Петербурга) — 07.02.1920, Иркутск), адмирал. — См., подробнее: *Волков Е. В. и др.* Белые генералы. С. 115–116.

²⁸ Вероятно, богемизм (князь по-чешски — священник). Имеется в виду, скорее всего, Сильвестр, архиепископ Омский (1860–1920). — См.: *Панина М. Ф.* «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // *Известия*

[Банды «зеленых» нападают на поезда]

Но теперь пора начать описывать переживание всех наших трех эшелонов, когда мы подъезжали к тайге. Все мы знали, что существуют не только белые или красные, но есть еще и зеленые. Зеленые — это были банды, которые скрывались в тайге. Обычно ночью они клали колоды поперек рельсов и этим заставляли поезд останавливаться. Дальше нападали на поезд и кому не удалось бежать и спрятаться в глуши тайги, того убивали, а поезда грабили до последней вещички. И так нам всем приходилось на ночь одеваться в шубы, капоры, валенки, маленькие, самые дорогие вещи, держали в руках и так дремали в ожидании — проскочим или нет. Наш поезд всю тайгу проехал благополучно, но второй и третий, так мы больше и не видели. Ждали на каждой большой станции, но о них, ни слуху, ни духу. Очевидно, все погибли. <...>

[Женские занятия в беженских поездах]

В каждом большом городе, где мы останавливались, мама ездила в город за покупками. Привозила она нитки, иголки, батист (из которого мы все, и даже я, вышивали носовые платки), бабушка шила белье, Миля на платках рисовала узоры для обрубки, т. к. маминой швейной машинки не было, то все научились шить позадь иголки, т. е. машинным швом, и вышивать. И так я, кроме крючков, чтения и ничегонеделания еще научилась шить и вышивать.

[Закупки провизии и питание беженцев]

<...> Закупки еды лежали на папе. Он притаскивал полные мешки всякой всячины, начиная хлебом (зимой кусками мерзлого молока в кастрюлях, летом 3 литровую, а то и 5 литровую бутылъ молока, масло, яйца, рыбы — стерляди, селедки, или что было. Зимой — засоленные селедки, которые отмачивались, очищались, резались ломтями и заливались подсолнечным маслом (заготавливалось в больших глиняных крынках). Всякого рода овощи, а на зиму лук, чеснок, копченое сало, колбаса, засоленное мясо и т. д. Все это была папина работа. Бабушка часть молока кипятила на керосиновой небольшой печке, а часть оставляла на киснутье (летом), а зимой кусками молоко в кастрюлях выставляла на площадку-кладовую, и постепенно, отрубая куски молока, его кипятила. Жареная картошка была ежедневной едой.

[Солидарность железнодорожников]

<...> До Читы голодовки мы не знали, т. к. на всех больших станциях ежемесячно выдавалось жалованье, несмотря на то, какой отсек железной дороги мы проезжали — железнодорожники своих поддерживали. <...>

[Дорога к Байкалу и пребывание у Байкала]

Теперь возвращаюсь к Иркутску. Как долго мы, т.е. наш эшелон, простояли на запасных путях, а наша семья блаженствовала у Сивохи, не могу вспомнить, ведь это был просто прекрасный сон. Спать в мягких постелях, ходить и даже бегать по комнатам, тогда как в нашем полувагоне можно было только сидеть или лежать, а для хождения места не было. Итак, двинувшись из Иркутска, мы пустились на юг, огибая южную часть Байкала и обогнув ее, остановились в Мысовой. Вся дорога от Иркутска до Мысовой — сплошная красота. Ведь все Даурские, будь то горы, покрытые лесом, или дикие скалы, завораживают своей красотой. Просто не хотелось отходить от окон. Не знаю, почему наш эшелон на Мысовой отвезли на запасной путь на несколько дней. А этот запасной путь находился на берегу Байкала. С одной стороны скалы, а с другой маленький спуск и плоский берег Байкала. Дело было зимой, и я с папой пошли полюбоваться Байкалом. Воду покрывал толстый, толстый лед, тянулся он очень далеко от берега и был такой прозрачный, что отойдя от берега на 10 шагов мы с папой видели каждый камушек на дне. <...>

[Распад железнодорожной системы Российской империи]

Я забыла сказать еще об одном. Чем дальше мы удалялись от Самаро-Златоустовской части железной дороги, тем меньше денег нам выдавали на других отсечках, т.е. главных станциях разных, как я уже разделила, частях магистрали (Западно, Средне-Сибирская Забайкальская часть). Приходилось экономить, иногда еды было в обрез, о витаминах и говорить нечего было. <...>

[Торговля беженцев с местным населением]

Еще вспомнила интересный эпизод. Побывав в первый раз в Новониколаевске, я возвращалась обратно в убаюкивающей надежде приехать домой, хотя бы в разграбленную квартиру. Мама до самого Златоуста закупала красивую посуду и тому подобное. Вкус у мамы был изысканным, так что этого барахла, т.е. сервизов чайных, столовых, кухонных у нас появилось столько, что под каждой лавкой стояли коробки и мешали заметать полы мокрой тряпкой. С приездом в Златоуст резко оборвались все надежды на возвращение домой, и прекратилась мания закупки вещей для «приличного» оборудования квартиры. Миновав во второй раз Новониколаевск, приблизительно от станции Тайга, на каждой станции беженские поезда встречали целые оравы бабья. Влезали в вагоны и наперебой орали: «Есть чаво продавать, аль менять хочете?». Так мы постепенно продавали или меняли на сахар, соль, сало, яйца, масло, хлеб. Для нас все это была необходимость, а зажиточное сибирское население нарасхват обзаводилось красивыми сахарницами, целыми приборами и т.д. Большинство этих покупателей были переселенцы с Украины. Получить взамен красивого чайного прибора голову сахара и порядочный кусок масла — была огромная удача. Таким образом, мы избавлялись от всего, что теперь уже было лишним, т.к. мечта о возвращении домой уже совсем расплылась во что-то недостижимое.

[Атаман Семенов: упорядочивание железнодорожного сообщения]

В Чите <...> пришло приказание всем служащим железной дороги явиться к атаману Семенову²⁹. Семенов расформировал остатки нашего управления Самаро-Златоустовской железной дороги, повыбирал самые лучшие силы и прикарманил их к себе на службу. Папа вернулся в вагон совсем мрачным. Его сделали помощником министра путей сообщения. <...> Дело в том, что Семенов яхшался с японцами и взамен за поддержку ему — Семенову стать властителем Сибири, а позднее и вся Русь, обещал японцам всю приморскую часть Сибири. Папа днем и ночью думал как-бы удрать от Семенова, что изобрести, чтобы двинуться дальше, т. к. Семенову папа не верил, говоря, что он авантюрист и что от него надо быть как можно подальше.

[Планы покинуть атамана Семенова]

В начале весны, как только начал таять снег, папа вдруг вернулся со службы возбужденный и первым его словом было «наконец-то!». Придя в тот день к своему министру, папа нашел его сильно расстроенным. Вот точный разговор министра с папой: «Константин Александрович, беда! Нигде не могу достать (не помню какой) материал, а мне приказано, во что бы то ни стало его достать, иначе будет беда». У папы в голове искрой пролетело «вот случай, которого я жду» и папа совершенно спокойно ответил министру — «ну это во Владивостоке, точно знаю, что есть. Пошлите меня туда, и я Вам его привезу». Министр так обрадовался, что сразу же написал папе путевку, согласился, чтобы папа ехал в своем вагоне, что это будет гораздо удобнее, чем искать место в каких-то поездах и отослал папу с всякими пропусками в командировку.

[Присоединение к чешскому эшелону]

В Чите готовый к отъезду стоял чешский эшелон. В сумерках папа, мама и я пошли к начальнику эшелона, папа показал ему все бумаги, подписанные Dr. Girson³⁰, о том, что папа сделал для чешской легии и обещание Гирсы взять с собой в Чехословенскую (!) республику инженера К. А. Чиркина со всей семьей. Понятно, что начальник эшелона согласился на прицепку нашего вагона к их эшелону, тем более что папа вторую — пустую половину нашего вагона предложил для чешских офицеров. Уже вечером вся вторая половина нашего вагона была занята чешскими офицерами³¹, наш вагон был прицеплен в середину чешского состава, а перед рассветом

²⁹ Семенов Григорий Михайлович (13/25.09.1890, станция Друрулгуевская Забайкальского округа — 30.08.1946, Москва), генерал-лейтенант, из забайкальских казаков. — См.: *Волков Е. В. и др.* Белые генералы ... С. 185–186.

³⁰ Вацлав Гирса (28. 11. 1875, Шепетовка — 23.6. 1954, Прага) чешский доктор и дипломат на службе Чехословакии. В ноябре 1919 г. был назначен представителем правительства Чехословакии в Сибири. Вел переговоры с большевиками о проезде чехословацких легионеров во Владивосток.

³¹ Вагоны представляли из себя т. н. «теплушки», т. е. утепленные вагоны предназначенные для переселенцев в Сибирь, которые отправлялись туда вместе со всем имуществом

весь эшелон двинулся по Уссурийской железной дороге по направлению к Хабаровску. <...>

[Жизнь в чешском эшелоне]

Итак, чешский состав, к которому нас прицепили и наш вагон стояли на Эгершельде. Папа работал в вагоне канцелярии у капитана Регера³². Вся его работа заключалась в том, что нужно было в газетах отвечать на обвинения японцев.

[Отношения чешских легионеров и японцев]

А японцы открыто обвинили чехов в невероятной краже всего, что только им попадалось по пути, включая составы меди, 1 вагон золота, случайно исчезнувший из пяти вагонов золота Колчака, а Колчака с его вагонами до Иркутска охраняли чешские эшелоны и в Иркутске с четырьмя вагонами золота выдали его, Колчака, большевикам. Пятый вагон исчез. Между нами, пятый вагон появился в Праге под названием «Легиобанка» И так папе приходилось писать небывлицы, чтобы «восстанавливать» честь чешских легий. Приходя домой, т. е. в нашу половину вагона, папа начинал бубнить. Когда папа был очень зол, он всегда не говорил, а бормотал ругательства, а мама это называла «опять бубнит». Папа просто бесился, говоря, «между ворами адвоката делаю». Ясно, японцы вовсе не хотели упустить такую добычу, и медь, и золото, японцам все было очень нужно. Конечно, они и не думали возвращать это России, а хотели только для себя отнять у чехов. Но об этом впереди. Повседневная жизнь на Эгершельде тянулась. <...>

[Японский Владивосток]

Главные и вообще самые хорошие магазины были японские. Там можно было достать все. Вообще, порядок в городе держали японцы. Солдаты, офицеры попадались на каждом шагу, уже не говоря о том, что в хороших магазинах и ресторанах были только японцы. Словом, в городе была смесь: американские матросы, чехи, русские, но главным образом, японцы. Китайцы-ходи — это была самая низшая ступень общества. <...>

[Недоверие беженцев к чехам]

Папа все время нервничал, т. к. чехи, несмотря на все подтверждения от Гирсы, не выказывали особенного желания брать нас на пароход. <...> Наконец-то папа узнал, что всех нас возьмут на последний пароход — на «Президент Грант».

и скотом. В одном вагоне могло поместиться 40–50 человек. — Подробнее см.: *Sklenář V. Ruské železnice a jejich význam pro čs. vojsko na Rusi // Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9. 5. 2001 v Praze. Praha, 2003. S. 72–79.*

³² Капитана с таким именем установить не удалось.

[Погрузка на пароход]

Сундуки уже были заколочены, коробки и чемоданы тоже. «Президент Грант» стоял уже посреди залива, а наш вагон перевезли в Гнилой угол (вернее, весь чешский состав). Дело в том, что в Гнилом углу была меньшая пристань, впритык к ней купленный чехами небольшой пароход «Легиа». И днем и ночью при рефлекторах на «Легию» лебедкой грузилось: огромные листы меди и еще какие-то минералы и металлы. Наш состав был чем-то вроде охраны, т. к. японцы открыто заявили, что «Легию» из залива не выпустят, т. к. весь груз краденый³³. «Президент Грант» должен был отплыть 6-го сентября, но остался ждать «Легию» как защиту. 7 сентября мы, с грехом пополам, наконец, влезли на борт нашей посудины. Причем чехи и тут показали себя — лომились, толкались так, что папа едва удержал меня, иначе шедший позади меня чех спихнул бы меня в воду с помоста. Только 9 сентября утром «Легиа» отшвартовалась от пристани и под нашей охраной поплыла к выходу в Японское море.

Приписка на обложке тетради: «Из Владивостока выплыли 9 сентября 1920 г. в Триест приплыли 1 ноября 1920 г. и того плыли с остановками 52 дня»³⁴.

---

³³ Об этом конфликте между чехословацкими легионерами и японскими оккупационными властями не удалось найти сообщения в других источниках.

³⁴ На самом деле «Президент Грант» прибыл в Триест 13 октября 1920 г., отплыв из Владивостока 24 сентября 1920 г. Это был 35 транспорт, который двигался т. н. южным путем через Японию, Гонконг, Цейлон и Суэцкий канал до Триеста. — См.: *Novotný F. Z Koryčan na konec světa a zpět přes tři oceány. Vzpomínky československého legionáře.* Olomouc, 2015. S. 176–180.

Из воспоминаний С. А. Щепихина¹

Об авторе:

Сергей Арефьевич Щепихин происходил из семьи уральского казачьего обер-офицера. Он родился в поселке Январцевском станицы Кирсановской Уральского уезда Уральской области 1 октября 1880 г., окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908), причем во всех этих учебных заведениях обучался вместе с будущим оренбургским атаманом А. И. Дутовым.

На 1917 г. Щепихин уже являлся полковником Генерального штаба, имел боевой опыт русско-японской (тогда будущий генерал участвовал в знаменитых кавалерийских набегах на Инкоу и Фукумынь, в сражениях при Сандепу и под Мукденом) и Первой мировой войн (служил в штабе 3-й армии Юго-Западного фронта, а с весны 1917 г. командовал 2-м Уральским казачьим полком).

Щепихина высоко ценило командование. В аттестации от 16 июня 1916 г., составленной генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии генерал-майором А. А. Посоховым, отмечалось: «Исполнительный, энергичный, твердый и большой воли офицер самостоятельный с широкой инициативой, развитой и отлично понимающий военное дело.

Каждое поручаемое ему дело ведет прекрасно, не нуждаясь в указке. Заведывая службой связи в армии, поставил ее прочно и надежно. Легко справляется с нею при всех самых трудных положениях и внезапных перегруппировках.

По свидетельству начальников, видевших его в боевой обстановке, храбр и находчив.

В общем — отличный, достоин выдвижения на должность начальника штаба дивизии и командира казачьего полка вне очереди»².

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1490. Л. 133об.

Аналогичной была аттестация Щепихина и по должности командира полка, данная 30 июля 1917 г. командующим 2-й Туркестанской казачьей дивизией генерал-майором Ф. Ф. Абрамовым: «Полком командует с 10 апреля [1]1917 г. достаточно уверенно и твердо. В боях за этот период полк не был. В хозяйственную часть полка вникает пока мало. Дисциплинированный; с офицерами корректен, в требованиях настойчив. Отличный. Удостоаивается зачисления на должность к[оманди]ра казачьей бригады»³.

В 1918 г. Щепихин возглавил штаб Уральского казачьего войска, но из-за конфликта с депутатами уральского Войскового съезда и его председателем Г. М. Фомичевым был вынужден уехать в Самару, где получил ответственный пост начальника полевого штаба Поволжского фронта Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. В декабре 1918 г. произведен в чин генерал-майора. В первой половине 1919 г., в том числе и в ходе весеннего наступления белых, занимал должность начальника штаба Западной армии, на которую возлагалось нанесение главного удара колчаковского Восточного фронта по красным. Фактически Щепихин сам разработал план наступательной операции армии, во время которой белым удалось добиться наиболее впечатляющих успехов в сравнении с другими армиями фронта.

Пост начальника снабжений Южной армии Щепихин занял 16 июня 1919 г. Находясь на этой должности, он стал свидетелем драматического отступления армии с Южного Урала в Степной край. 7 октября 1919 г. Щепихин был зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта. Во время последовавшего отступления принял участие в Сибирском Ледяном походе, занимал пост начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом. 6 мая 1920 г. Щепихины выехали из Читы в белый Крым, куда прибыли уже во время эвакуации белых. Щепихин с супругой эвакуировался в Турцию и прожил в Константинополе до конца апреля 1921 г.⁴

К сожалению, об эмигрантском периоде жизни С. А. Щепихина известно немного. 23 мая 1921 г. Щепихины за свой счет прибыли в Чехословакию. Поселились в Збраславе под Прагой (ныне — в черте города). Сохранилось описание дома, где жили Щепихины, оставленное его соседом, выдающимся философом Н. О. Лосским: «В Збраславе мы жили на набережной Влтавы в доме, принадлежавшем Ф. Прохазке. Часть нижнего этажа была отдана под ресторан, а остальные комнаты сдавались в наем, так что дом этот был подобием отеля и назывался “Velká Hospoda”. В “Velká Hospodě” комнаты сдавались по цене сравнительно дешевой, и многие русские эмигранты перебивали в нем: кроме нас там в различные периоды жили инженер-путеец Николай Николаевич Ипатьев (в доме которого в Екатеринбурге был убит государь Николай II и его семья) с женою, московский промышленник Евгений Павлович Свешников с семьею, проф. Ефим Лукьянович Зубашев с женою, В. В. Водовозов с женою Ольгою Александровною

³ Там же.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 507об.

(дочерью профессора Введенского), проф. А. В. Флоровский с женою, генерал С. А. Щепихин с женою и сыном»⁵. Причем Щепихины перебрались из «Гран-пансиона» с плачевными бытовыми условиями именно в две комнаты Ипатьевых. Пансион, в котором разместила семья, стал центром русской культурной жизни — здесь эмигранты устраивали литературные и музыкальные вечера («Збраславские пятницы»).

Первое время Щепихины сильно бедствовали. Генералу приходилось зарабатывать на жизнь в качестве служащего и заведующего мастерской, контролера в ресторане⁶. Позднее Щепихин смог устроиться бухгалтером в РЗИА (с 1925 г.), где трудился порой даже сверхурочно (поскольку приезжал из Збраслава на работу с опозданием)⁷. Помогал (в том числе с трудоустройством) друг семьи, генерал С. Н. Войцеховский, оставшийся и в Чехословакии на военной службе и занимавший высокие посты в чехословацкой армии.

В 1922 г. у Щепихиных родился сын Вадим (1922–1987). Впрочем, по данным потомков, его настоящим отцом был генерал С. Н. Войцеховский, но ни Щепихин, ни Войцеховский об этом не знали. Незадолго до своей смерти мать сообщила об этом сыну, и в результате пережитого потрясения В. С. Щепихин вскоре умер⁸.

По оценке советской разведки, данной летом 1924 г., Щепихин считался благорасположенным к эсерам⁹. Щепихин якобы был избран главой общества «Армия и народ», являвшегося скрытой формой офицерского союза. Членом правления организации также избрали известного деятеля эсеровского толка полковника Ф. Е. Махина¹⁰.

Генерал Е. И. Балабин вспоминал о Щепихине, которого знал еще по училищу: «Встретил я его в Чехословакии, в Праге, в 1934 году. Это был старый, больной, израненный и не совсем нормальный генерал. Встретились мы с ним как родные»¹¹. Отметим, что в 1934 г. Щепихину было 54 года, а израненным его считать не приходится.

Щепихин сотрудничал с кружком по изучению мировой войны при Русском народном университете. В сентябре 1932 г. Щепихин вступил в Русский Общевоинский союз¹². Умер С. А. Щепихин 18 марта 1948 г. после тяжелой болезни и похоронен на Ольшанском кладбище, однако могила генерала, по всей видимости, утрачена¹³.

⁵ Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 225–226.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 508.

⁷ Архив Славянской библиотеки (Прага). Т-РЗИА. 4–0041. Л. 1, 12.

⁸ Сведения предоставлены Г. Г. Канинским (Челябинск).

⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Док. и мат. Т. 5. Раскол. 1924–1925 гг. М., 2010. С. 217.

¹⁰ Там же. С. 219, 222–223.

¹¹ Балабин Е. И. Далекое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 49.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 12. Л. 129.

¹³ Подробную биографическую справку см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 635.

Несмотря на материальные затруднения, Щепихин в эмиграции находил возможность заниматься литературным и научным трудом. Онзнакомился с рукописями РЗИА и поступавшей в библиотеку архива литературой, в том числе советской. Все это способствовало успешной работе С. А. Щепихина над воспоминаниями. Мемуарное наследие Щепихина уникально. Свои воспоминания генерал писал на основе дневников и оставил потомкам по-настоящему монументальный мемуарный свод о событиях Первой мировой и Гражданской войн. Это произведение можно, если не поставить в один ряд с «Очерками русской смуты» А. И. Деникина, то, по крайней мере, выделить как не менее впечатляющее по своему охвату.

В связи с материальными трудностями Щепихин продал свои мемуары, в том числе разные их редакции, различным эмигрантским архивам. В результате его рукописи оказались как в РЗИА в Чехословакии, так и в Гуверовском архиве в США.

Автор воспоминаний был квалифицированным офицером-генштабистом, критический взгляд которого отмечал промахи военного строительства на Востоке России при белых, не исключая мелочей. Мемуары Щепихина, несмотря на порой чрезмерный скептицизм и саркастичность их автора (иногда в ущерб точности изложения), являются одним из важнейших и до сих пор практически не введенных в научный оборот источников по истории Гражданской войны на Востоке России. Интересно, что репутация критика существующих порядков закрепилась за Щепихиным еще в период Гражданской войны¹⁴.

О документе:

Публикуемые впервые воспоминания видного деятеля Белого движения на Востоке России, Генерального штаба генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихина представляют собой первую часть его рукописного очерка «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Мемуары поступили в ГА РФ в составе коллекции Русского Заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге.

Воспоминания Щепихина написаны бисерным почерком, который с трудом поддается расшифровке. Основу очерка составили дневниковые записи, оставленные в бытность Щепихина начальником снабжений Южной армии Восточного фронта летом — осенью 1919 г. На страницах воспоминаний Щепихин приводит яркие портретные зарисовки омских штабных работников, многих из которых он хорошо знал. Созданная им портретная галерея позволяет лучше понять причины неудачи Белого движения.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей источника. Все даты (кроме событий истории зарубежных стран) до февраля 1918 г. приведены по старому стилю. Документ хранится в ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–5об. Рукопись.

А. В. Ганин

¹⁴ Напр., РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 19.